

Император в последние дни был занят делами Северных Границ и уже несколько вечеров подряд не вызывал наложниц. В эту ночь луна, прохладная, как вода, серебрилась на мощеных дорожках Императорского сада, и Император неожиданно направился в Беседку Цзиньшу.

Внутри Беседки Цзиньшу Тун Цзыгэ при свете лампы всецело погрузился в чтение. Тусклый, мерцающий свет свечи освещал его слегка бледное лицо.

Услышав тихий шорох двери, он поднял взгляд и, увидев Императора, невольно всем телом задрожал, так что свиток чуть не выпал у него из рук.

Он торопливо отложил книгу, в растерянности поднялся, колени у него подкосились, и он рухнул прямо на пол. Не смея даже поднять голову, он дрожащим голосом произнес:

— Ваше Величество... Зачем Ваше Величество пожаловали?

Император размеренным шагом приближался, и драгоценная мантия издавала при каждом движении легкий шуршащий звук. Он остановился перед Тун Цзыгэ, слегка опустив голову, и его взгляд упал на коленопреклоненную фигуру. Помолчав мгновение, он неторопливо заговорил:

— Я в эти дни был занят государственными делами и обделил тебя вниманием.

Тун Цзыгэ охватил страх, и он торопливо проговорил:

— То, что Ваше Величество трудитесь на благо государства — великое счастье для Поднебесной. У вашего слуги не смеет быть обид, я лишь молю о здравии драгоценного тела Вашего Величества.

Его лоб почти касался пола, а руки судорожно сжимали край одежды так, что костяшки пальцев побелели.

Император легко взмахнул рукой, приказывая ему подняться:

— Встань. Я пришел сегодня лишь в поисках минутного покоя. Хотя у меня уже есть план противодействия событиям на Северных Границах, предстоит еще множество приготовлений, и я чувствую себя истощенным и душой, и телом.

С этими словами он прошел к стоявшему неподалеку стулу и опустился на него, слегка прикрыв глаза и массируя виски.

Тун Цзыгэ осторожно поднялся, но по-прежнему не смел прямо смотреть на Императора и лишь тихо спросил:

— Ваше Величество, неужели на Северных Границах начались военные действия?

Он знал, что его положение ничтожно и ему не подобает вмешиваться в государственные дела, но сейчас приходилось поддержать разговор, чтобы не допустить неловкого молчания.

Император открыл глаза и взглянул на него, похоже, не гневаясь за излишнюю дерзость, и медленно произнес:

— Еще нет, но скоро. Император Да Ци теряет терпение.

Император слегка нахмурился, в его взгляде промелькнули тяжесть и тревога, и он продолжил:

— В последние годы мощь Да Ци неуклонно росла. Ее император преисполнен амбиций, давно зарится на наши границы и то и дело устраивает провокации. Нынешние волнения на Северных Границах, боюсь, не обходятся без тайного подстрекательства со стороны Да Ци: они жаждут чужими руками проверить наши силы и слабости, чтобы отыскать удобный момент для масштабного вторжения.

В душе Тун Цзыгэ бушевали мысли, и он подсознательно хотел высказать свои соображения и взгляды на происходящее на Северных Границах — эти мысли неслись в его голове, словно сорвавшиеся с привязи конусы.

Однако в тот же миг в его памяти громом прозвучали суровые и строгие наставления дворцовой наставницы: Помни, что задний дворец не должен вмешиваться в политику, не смей ради минутного удовольствия накликать беду. Эти слова, словно холодные кандалы, мгновенно запечатали рвущиеся наружу реплики. Его губы слегка задрожали, но в конце концов он крепко сжал рот.

Цзун Тинлин отчетливо заметил малейшее изменение в выражении лица Тун Цзыгэ и его нерешительность. В его сердце шевельнулось любопытство и недоумение, и он небрежно бросил:

— Что ты хотел сказать? Говори. Я дарю тебе прощение и не стану карать за твои слова.

Тун Цзыгэ глубоко вздохнул, выпрямился на коленях и, потупив взор, произнес:

— Ваше Величество, ваш слуга... ваш покорный слуга слышал, что Да Ци обладает мощной армией и поистине грозным противником. Главная забота и в то же время уязвимое место нашего войска сейчас — это запасы продовольствия и их планирование. Не зря говорят: «Прежде чем двинуть войска, запасы зерно». Продовольствие — основа любого похода, и если его не хватит, сколь бы блестящими ни были элитные отряды, им не выдержать долгой войны.

Император слегка кивнул, знаком подзывая его продолжать.

— Ваше Величество, Цзинчжоу лежит на юге. Хоть его флот и славится на всю округу, одной лишь силой флота не восполнить нехватку продовольствия. На юге изобилуют дожди, реки и озера переплетаются, а почвы плодородны. Можно сперва сосредоточиться на ирригационных работах: мобилизовать народ на расчистку русел рек и укрепление дамб, чтобы обеспечить надежное орошение полей и защитить их от наводнений.

В Цзинчжоу и окрестных землях, пригодных для земледелия, следует широко развернуть распашку земель, завезти скороспелые, засухоустойчивые и высокоурожайные сорта риса — такие как тямпа, и внедрить передовые методы выращивания и пересадки рассады, дабы поднять урожайность. На юге богаты водные ресурсы, можно поощрять рыбаков увеличивать улов и заниматься заготовкой рыбы впрок как подспорье к основному армейскому пайку. К тому же горные леса изобилуют дичью и плодами, их тоже можно собирать и перерабатывать, разнообразя армейский рацион.

Тун Цзыгэ поднял глаза и, заметив, что на лице Императора нет недовольства, продолжил:

— Кроме того, необходимо выстроить строгую и эффективную систему хранения и доставки продовольствия. В стратегически важных точках следует возвести крупные зернохранилища — например, круглые амбары из кирпича и камня с дощатыми полами для защиты от сырости, а в стенах проделать вентиляционные отверстия и снабдить их противомоскитными сетками, чтобы зерно хранилось должным образом.

Что касается перевозок, то, задействуя водную сеть юга, следует построить специальные суда для доставки зерна — прочные и вместительные, — а также организовать профессиональные артели гребцов и бурлаков, дабы обеспечить беспрепятственное плавание хлебных караванов.

В то же время нужно проложить сухопутные маршруты подвоза продовольствия, учредить почтовые станции, снабдив их достаточным количеством повозок, лошадей и работников, чтобы наладить смешанное водно-сухопутное сообщение и позволить зерну во время войны быстро и безопасно достигать фронта.

Можно вывесить в народе указы с призывом к талантливым людям, свежим в земледелии и искусным в управлении складами и перевозками, доверить им важные посты и щедро одарить, дабы побудить их отдать все силы делу обеспечения армии.

Лишь при изобилии продовольствия и его упорядоченном распределении наше войско обретет надежный тыл в противостоянии с Да Ци, найдет способ разбить врага и защитит мир и покой нашей державы.

Таковы скромные мысли вашего покорного слуги, и я молю Ваше Величество о снисхождении...

Выслушав речь Тун Цзыгэ, Цзун Тинлин надолго погрузился в молчание.

Его пронзительный взгляд не отрывался от стоявшего на коленях Тун Цзыгэ, облаченного в изысканные одежды наложницы: тончайший шелк и узорчатая ткань мягко мерцали в отсветах свечей.

Жемчужные заколки, искусно вплетенные в волосы, гармонировали с алыми цветами, а висящие на ушах серьги покачивались при малейшем движении, рассыпая мелкие искры света.

И тем не менее этот самый человек так легко и свободно рассуждал перед ним о государственных планах и стратегических замыслах.

Он перевел взгляд на книгу, которую Тун Цзыгэ читал только что — ею оказалась Наставления женщинам.

Уголки губ Цзун Тинлина тронула многозначительная улыбка, а в голосе прозвучали нотки иронии и испытующий тон:

— Обладая столь широким кругозором и великими помыслами, почему моя любимая наложница читает это?

Тун Цзыгэ слегка опустил голову, его лицо оставалось спокойным и покорным, и он негромко произнес:

— Раз уж ваш покорный слуга вошел во дворец, мое тело принадлежит императорскому роду. Дворцовые устои суровы и преступать их нельзя, поэтому я считаю их высшим законом и прилежно изучаю, дабы блюсти себя подобающим образом и не совершать ошибок.

Цзун Тинлин холодно усмехнулся, и в этом смешке таился глубокий смысл:

— А ты быстро ко всему привыкаешь.

Сердце Тун Цзыгэ сжалось, но он ответил с прежним хладнокровием:

— То, что Ваше Величество не покарало мою семью — величайшая милость. Ваш слуга глубоко потрясен и не знает покоя. Я думаю лишь о том, чтобы всеми силами и преданно служить Вашему Величеству, отдавая крупницы своих сил в благодарность за великую доброту.

В глазах Цзун Тинлина мелькнул огонек интереса, и он с легкой улыбкой произнес:

— О? И как же ты отблаговаришь?

С этими словами он протянул длинную руку и рывком поднял с колен Тун Цзыгэ. Тот от долгого стояния на коленях лишился силы в онемевших ногах и, качнувшись, рухнул ему в объятия.

Цзун Тинлин тут же притянул его за талию, склонил голову и вперил в него жаркий взгляд:

— И как же моя любимая наложница собирается услужить мне, м?

Его низкий, бархатистый голос таил легкий намек на двусмысленность, а горячее дыхание оведало ухо Тун Цзыгэ, мгновенно окрасив его щеки румянцем.

Цзун Тинлин слегка подался вперед, его дыхание — горячее и будоражащее — приблизилось к Тун Цзыгэ. Сначала его губы едва ощутимо коснулись мочки уха Тун Цзыгэ, и это нежнейшее прикосновение, подобное легкому мановению пера, заставило тело Тун Цзыгэ мгновенно напрячься.

Затем его губы медленно переместились к изящной сережке, оставив на ней невесомый, как поцелуй стрекозы, след, сопровождаемый тихим шепотом:

— Очень красиво.

Тун Цзыгэ до боли закусил губу, пытаясь с помощью этой боли сохранить каплю рассудка. Его пальцы судорожно вцепились в край чайного столика так, что костяшки побелели.

Книга Наставления женщинам, лежавшая до этого сбоку, в пылу страсти была задета и с глухим стуком упала на пол, словно безмолвный протест против происходящего нарушения приличий.

А слезы Тун Цзыгэ в этот момент уже не удавалось сдерживать — они хлынули из глаз. Капли покатались по щекам и упали на столик, оставив темные влажные пятна.

— Отныне ты можешь приходить в Зал Услаждения Сердца и участвовать в обсуждении государственных дел рядом со мной.

Эти слова прозвучали в тишине ночи особенно резко.

У Тун Цзыгэ мгновенно прорвало плотину слез, и они заструились по щекам.

Разве это чего-то стоит?

Неужели вся его искренность, все великие помыслы свелись лишь к подобной «милости»,

несущей в себе лишь унижение?

Он желал добиться законного положения при дворе и в этом дворце благодаря истинным талантам и знаниям, а не становиться постельной принадлежностью Императора, расплачиваясь унижением собственного тела за право так называемого «обсуждения дел».

Но Цзун Тинлин ничего не понимал и еще воображал, будто оказывает великое благодеяние.

<http://bllate.org/book/22353/2342722>